

*Красной Горе — месту, которое нашло меня,
когда я чувствовал себя потерянным.*

1

КОЙОТ БЕЗ СТАИ

Конец сентября. Штат Вашингтон

Отис Пеннингтон Тилл вошел в свой виноградник сира*, посасывая незажженную трубку, вырезанную из корня шиповника, когда удивленная луна заливала светом окрестности. В свои шестьдесят четыре мужчины двигался с изрядной долей грации, несмотря на то что поясница все еще болела — в начале года он неосмотрительно поднял тяжелую бочку с вином.

Неподалеку койоты выли на светящийся в огромном небе диск, нарушая покой Красной Горы. Он слышал, как тревожно блеет стадо овец, пасущихся в низине, но знал, что его верный большой пиреней** Джонатан начеку.

— *Ба-а-а* вам в ответ, друзья! — крикнул он с британским акцентом, оставшимся от его лондонского детства.

Пнув носком рабочего ботинка перекаати-поле, Отис сорвал несколько виноградин с одной из десятилетних лиан сира, положил их в рот и закрыл глаза. Почувствовал, как жесткая кожаца лопнула под зубами и сок растекался по

* Сира — технический сорт винограда для производства красных и розовых вин.

** «Большой пиреней» — порода собак, по-другому — «пиренейская горная собака», выведена во Франции.

языку. Он надеялся, что будет поражен сложностью вкуса, аппетитной кислинкой, от которой рот наполняется слюной, бархатистыми танинами, изысканностью. Но сегодня виноград не порадовал нюансами, которые он привык ощущать, пробуя созревающие на Красной Горе ягоды.

Вот уже две недели Отис бился со своим обонянием и вкусовыми рецепторами. Когда он впервые заметил эти симптомы, то списал их на простуду, на возрастные проблемы, на результат слишком долгих часов, проведенных с курительной трубкой, особенно в последнее время. Но его состояние стремительно ухудшалось и грозило помешать изготовлению вина в этом году.

Отис выплюнул косточки на землю, словно в лицо своему противнику. И с проклятиями швырнул трубку в грязь.

Пытаясь справиться с охватившим его гневом, он набрал в легкие прохладный чистый воздух и поднял лицо к полной луне, взирающей с неба, словно ярко-оранжевый глаз ночи.

— Пожалуйста, не отнимай у меня вино! — взмолился он. — Это все, что у меня есть. С таким же успехом ты можешь убить меня прямо сейчас.

Отис в сердцах бросил свою твидовую кепку на землю. Потом стянул кардиган, клетчатую рубашку, ботинки, брюки и все остальное. Обнаженный, он стоял высокий и гордый, несмотря на то что кожа стремительно покрывалась мурашками. Мужчина поднял руки вверх, словно собирался поймать звезду. Потом медленно поднес к лицу правую ладонь, поцеловал ее и отправил этот поцелуй в небеса, членам своей семьи — сыновьям и жене.

— Я мог бы присоединиться к вам раньше, мои любимые.

Опустившись на четвереньки, он снова посмотрел на луну и завыл. Совершенно не стесняясь, как ребенок. Так громко, как только мог, словно подражая диким собакам, бродящим в темноте, кричащим, поющим свои песни.

Ау-уууу — у-уууу! Ау-уууу — у-ууууу!

КРАСНАЯ ГОРА

Остановившись, чтобы перевести дух, Отис отметил, что койоты завизжали громче, будто приветствуя его. Он различил высокие интонации молодых особей, глубокий навязчивый голос взрослых и завыл сильнее, выворачивая душу.

Ау-уууу — у-уууу! Ау-уууу — у-ууууу!

Казалось, ему стало легче. Отис оделся и направился к дому, находящемуся в западной части участка в сорок акров. Он гордился тем, что каждый квадратный метр его владений был ухожен и опрятен. На его земле нельзя было найти даже крышки от бутылки, несмотря на то что периодически сильные ветры приносили мусор с дороги. Каждый шланг был свернут по армейским стандартам. Сорняки практически не попадались. В овечьем загоне можно было спать, а в курятнике — обедать. Всю свою энергию, всю аккуратность, так свойственную Девам и обычно направляемую на любовь и заботу о других людях, Отис направил на своих животных, свое имущество и свое вино.

Он вошел в каменный дом, который они построили с женой, и направился в кабинет. Часто вечерами, когда Отис хандрил и не мог заставить себя заняться чем-либо полезным, он находил капельку утешения в созерцании стеллажей, расположившихся вдоль стен кабинета. Они были заставлены коллекцией книг с загнутыми страницами. Каждая из них была зачитана почти до дыр и доставила ему огромное удовольствие в свое время. Особенно он любил те, которые были написаны английскими авторами: Шекспиром, Джорджем Оруэллом, Д. Г. Лоуренсом, Грэмом Грином и Черчиллем. Отис чувствовал родство с ними, несмотря на то что жил в Штатах с юных лет.

Мужчина нажал кнопку на CD-плеере, зазвучал джаз Арта Тейтума. Из хрустального графина он налил себе торфяного виски двенадцатилетней выдержки и сел в кресло. С тех пор как пять лет назад умерла его жена, он не спал в их общей кровати. Никак не мог себя заставить. Ему было невыносимо вспоминать об интимных моментах: как переплелись их обнаженные тела, как Ребекка гладила его волосы,

как по утрам что-то нежно бормотала сонным голосом, по которому он теперь так скучал; об их глупых подушечных боях и о ленивых субботах, раз в месяц, когда они валялись в постели до полудня. После ее смерти он спал на диване или в этом чудовищном кресле, на потрескавшейся, потертой коже которого уже отпечатался контур его тела.

Используя нож для вскрытия писем, доставшийся ему от отца, журналиста, писавшего для лондонского «Телеграф» и «Боузмен Дейли Кроникл», Отис порылся в стопке корреспонденции. В итоге нашел конверт, исписанный крупным витиеватым почерком, принадлежавшим Морган — его тете по материнской линии. Она не доверяла компьютерам, чем любила прихвастнуть, и ее послания доставлялись исключительно почтой.

Даже ее имя, просто написанное в обратном адресе, заставляло Отиса застонать. Морган была первой леди Монтаны, королевой бала, но он мог выносить тетку только в малых дозах. Ее характер соответствовал почерку — слишком значительный и сильный для миниатюрного тела. Отис не сомневался, что Морган переживет его лет на тридцать. Как обычно, письмо начиналось безобидно. Но Отис был достаточно умен и понимал, что без сюрприза не обойдется. И тот не заставил себя ждать. Последние строчки заставили мужчину подскочить и наполнить стакан виски. Он слышал ее пронзительный голос, когда перечитывал концовку:

«Я еду повидаться с тобой, милый. Сколько прошло после похорон? Пять лет? Невозможно. Похоже, ты и я — единственные из нашей семьи, кому удастся выжить в этом порой ужасном мире. Мы должны поделиться секретами. Буду в понедельник. По словам милой дамы на почте, ты должен получить это письмо в субботу. Я хотела, чтобы у тебя не было времени остановить меня. Позаботься о наличии

КРАСНАЯ ГОРА

нескольких видов «Фолджерс» и коктейлей. Ты же знаешь, что я терпеть не могу отстойные Сиэтлские моносорта.*

До скорой встречи,

Морган»

Отис потянулся за наполовину опустошенным пакетом свиных шкварок и принялся копаться в них, обдумывая свои дальнейшие действия. Он поднял глаза на урну, в которой покоился прах его жены, — бирюзовый сосуд, подарок друга — гончара из Сономы.

— Ты не поверишь, кто едет в город, Бек, — сказал он, откладывая закуску. — Тетя Морган. Она все еще пытается свести меня с какой-нибудь девушкой. — Он покачал головой. — Морган так сильно тебя любила! Не понимаю, почему она вообще хочет, чтобы я заменил тебя.

Никто не знал, что Отис хранил прах жены в кабинете. Он сказал ее брату и лучшей подруге, что развеял его в их винограднике на Красной Горе, как она и хотела. Но ему нравилось, что Ребекка остается в доме, и он не был готов попрощаться. Некоторое время он смотрел на урну, предаваясь воспоминаниям, пытаясь сосредоточиться на самых счастливых. Затем пожелал покойной жене доброй ночи и вернулся к мыслям о своей непрошенной гостье.

Тетя Морган! Едет на Красную Гору! Какая катастрофа! Она намекала на эту поездку уже несколько месяцев. Видимо, решила, что ему одиноко и грустно и пришло время снова начать с кем-нибудь встречаться. Своей чрезмерной опекой она заставляла его чувствовать себя пятнадцатилетним. И теперь она едет в город.

Невольно воображение Отиса разыграло серию катастрофических сценариев, вызванных ее визитом; все они были сосредоточены на том, как он будет опозорен перед своими друзьями и прочими жителями Красной Горы. Отис знал о своей репутации в горах. Он был уважаемым

* Кофе «Фолджерс» — один из старейших американских брендов.

ВО ЧОКЕР

лидером, новатором, носителем мудрости, крестным отцом, человеком, к которому приходили молодые виноделы и виноградари. Как легко Морган могла все это разрушить, оставив его уязвимым и незащищенным, чтобы его разорвали на части и высмеяли молодые хищники. Он совершенно приуныл.

Через несколько часов Отис проснулся в кресле. Окно выходило на Красную Гору, высотой более четырехсот метров. Солнце еще не поднялось над вершиной, но уже расцветило ночь бледным серебром, обнаружив силуэты виноградных лоз, бегущих вдоль холмов. В двадцати ярдах* от дома стоял одинокий койот — его тотемное животное — с бело-золотыми глазами, сверкающими в тусклом утреннем свете. Они встретились впервые несколько недель назад, на этом самом месте.

Человек и животное долго смотрели друг на друга, потом Отис приподнял свою твидовую кепку в приветственном жесте и снова закрыл глаза.

* 1 ярд — 0,9144 метров

2

УТРАЧЕННОЕ ИСКУССТВО ПОГОНИ ЗА МЕЧТОЙ

Рори стоял на их вермонтской кухне, одетый в один из своих дурацких костюмов в тонкую полоску. Красный галстук развязан — его типичный внешний вид после работы. С фальшивой улыбкой политика, которую Марго ненавидела больше всего на свете, он спросил:

— Что на ужин?

Марго подняла глаза от разделочной доски, где рядом с кучкой нарезанной моркови лежал нож Сантоку*.

— Привет, милый! Я так рада, что ты дома!

И с этими словами взяла нож за лезвие и метнула в Рори с ловкостью ниндзя. Он вонзился ему прямо в горло. Женщина рассмеялась зловещим, дьявольским хохотом, когда муж упал на колени и истек кровью на кухонном полу. Эти булькающие звуки уходящей из него жизни были симфонией наслаждения для ее ушей.

Марго Пирс потянулась за бокалом мерло и вздохнула, погружаясь в пену, смакуя последние мгновения своего видения-мечты. Принимать ванны в начале дня стало ри-

* Сантоку — универсальный японский кухонный нож, буквально переводится как «три хороших вещи» или «три вида использования».

туалом. Так же, как и представлять, как она убивает своего бывшего мужа.

Он был мэром Берлингтона, штат Вермонт, отцом ее единственного сына, человеком, который разыскал ее после того, как увидел в Нью-Йорке на Бродвее в фильме «Без ума от тебя», надел ей на палец кольцо и потащил обратно в Вермонт. Человек, ради которого она оставила свою многообещающую карьеру. Рори Симпсон. Одно только имя теперь вызывало у нее отвращение.

Как же ей не повезло быть Марго Симпсон, пусть даже временно! Как же утомительно было выслушивать насмешки и сравнения с героиней «Симпсонов». Она сменила фамилию еще до того, как муж подписал документы о разводе. Мерзавец. Мужчина, чей роман был разоблачен журналистом, сумевшим запечатлеть член Рори во рту его секретарши — распутной маленькой шлюхи по имени Нэдин. Пикантная новость быстро распространилась по всему миру и сделала Марго самой жалкой женщиной в Америке.

Подобные сны наяву — пусть и тревожные — не давали ей сойти с ума с тех пор, как она ушла от него. Она старалась сохранить цивилизованность каждого воображаемого убийства, используя только предметы, найденные на кухне. Это было единственное правило игры, которая так ее расслабляла. Но Марго понимала, что однажды придется прекратить убивать Рори и занять мысли чем-то другим. Потому что это, конечно же, ненормально. Возможно, не помешало бы сходить к психотерапевту, но сейчас у нее не было на это времени. Она занялась бизнесом, который нужно было начинать с нуля, и дела шли пока не лучшим образом.

В каком-то смысле она должна благодарить мужа за неверность. Деньги, доставшиеся ей после развода, позволили переехать в штат Вашингтон и попытаться осуществить свою самую большую мечту: открыть гостиницу и фермерский приют. Гостиница уже строилась, но связанные с этим траты наличных денег ставили под угрозу создание

КРАСНАЯ ГОРА

фермерского приюта — места, где обиженные и брошенные сельские животные могли бы прожить остаток своих дней.

С самого детства она была защитницей всех живых существ, не позволяя друзьям в ее присутствии раздавить даже насекомое. Филипп — трехлетний щенок терьера, когда-то спасенный ею, свернулся калачиком на прохладном кафельном полу у стены. Его жесткая серая шерсть и царственная походка наводили Марго на мысль, что он должен был бы лежать у ног королевы Гвиневры, пока та находилась при дворе. Марго баловала его соответственно.

Она приобрела дом и землю для гостиницы еще до того, как переехала в Красную Гору, но пока не могла оплатить соседние десять акров для приюта. При таком раскладе кто-нибудь другой мог подсуетиться и купить их. Каждый раз, проезжая мимо, Марго хотелось выдернуть табличку «Продается» и спрятать ее в багажник.

По плану гостиница должна была уже открыться, но проволочки в строительстве помешали этому. Подрядчик — человек, которому она перестала доверять, заверил ее, что закончит работу к 1 сентября. Теперь ей очень повезет, если отель откроется к будущему июню. И она будет счастлива, если не вылезет за пределы бюджета.

«Вот что происходит, когда я доверяюсь кому-то, особенно мужчинам», — думала Марго.

Будь ее подрядчик менее осторожным, она бы мечтала в ванной и о нем тоже. У нее не было недостатка в кухонных принадлежностях.

Женщина оделась и спустилась вниз, Филипп следовал за ней по пятам. Ее дом стоял в низине, под Кол Соларе — винодельней, принадлежащей Сент-Мишель и семье Антинори. Она купила его у супружеской пары, работающей в Microsoft и построившей его всего пять лет назад. Марго так и не узнала, почему они уехали, но дом был именно таким, какой она всегда хотела. Не очень большой, но ей с сыном хватало. Белые стены и красная крыша, как

в Санта-Барбаре*, прекрасно сочетались с пустынным климатом и виноградными лозами, тянувшимися рядами во все стороны, насколько хватало глаз. Бывшие хозяева проделали исключительную работу, обустроивая свое жилище. Не пожалели средств на светильники, бытовые приборы и мелочи, создающие уют. Из-за растущего спроса на недвижимость в Красной Горе Марго заплатила весьма высокую цену, но она верила в свое приобретение. Красная Гора только начинала проявлять свой потенциал. Когда-нибудь люди сравнят этот район с Юнтвиллем** или Калистогой***.

Она услышала, как хлопнула дверца машины, и вышла через парадную дверь на крыльцо. Ее семнадцатилетний сын Джаспер доставал рюкзак из багажника. Марго очень обрадовалась его приезду. Он был самым очаровательным мальчиком, уже мужчиной, которого она когда-либо встречала, хотя сын не выносил, когда она так говорила. Он был едва ли выше метра шестидесяти, весил около семидесяти килограммов, и у него было такое детское лицо, что порой ей хотелось съесть его. Юноша пытался казаться взрослее, отрастив бороду, но усилия были напрасны, и это только добавляло ему привлекательности. У него был исключительный вкус в одежде, и он очень гордился своим стилем.

Сегодня на нем были красные ботинки от Джона Флювога, темные джинсы и отглаженная белая рубашка на пуговицах. И он сам ее погладил! Каштановые волосы Джаспера были всклокочены, и он носил очки в толстой оправе. Марго предлагала ему LASIK****, однако сын только отмахнулся: ему нравилось «быть в образе». Его потрепанная фетровая шляпа редко покидала голову. Весь этот

* Санта-Барбару иногда называют «город красных крыш».

** Город в Калифорнии.

*** Местность в североамериканском штате Калифорния, к северо-востоку от Сан-Франциско; известна горячими источниками и «окаменелым лесом».

**** LASIK (акроним Laser — Assisted in Situ Keratomileusis — «лазерный кератомилез») — вид коррекции зрения при помощи эксимерного лазера.

КРАСНАЯ ГОРА

облик особенно работал, когда он садился за пианино, где, кстати, провел большую часть своей жизни. У него был вид начинающей джазовой звезды, «безумного ученого за клавишами», как сказал один из рекрутеров колледжа, пытавшихся его переманить.

Марго все больше и больше убеждалась, что единственный человек, которому она действительно может доверять в этом мире — Джаспер. Каким-то образом, несмотря на все дерьмо, через которое она и муж заставили пройти своего мальчику — бредни СМИ, мучительный развод, ее нервный срыв, — сын все еще оставался надежным, как скала. Пока Джаспер есть в ее жизни, все будет хорошо.

Он наклонился и потрепал Филиппа.

— Как дела в школе, дорогой? — спросила Марго.

— Неплохо. Пока присматриваюсь. По окончании учебы я буду лидером.

Джаспер обычно был крайне молчалив, отличный слушатель, но с ней — всегда разговорчив, хотя порой саркастичен. Он трансформировал всю силу своего гнева на отца в заботу о ней.

«Какой удивительный мужчина», — думала Марго. Именно так: мужчина. Теперь он был мужчиной. В душе Джаспер был в два раза старше своего возраста и вел себя соответственно. Увы, из-за этой зрелости и отсутствия общих интересов с одногодками ему было трудно заводить друзей.

Он подошел к маме, положил руку ей на плечо и чмокнул в щеку.

— Чем ты занимаешься?

— Хочу сделать твои любимые *culurgiones**.

— Помочь?

— А у тебя нет домашнего задания?

— Оно точно может подождать.

* Традиционные ravioli на острове Сардиния. Похожи на вареники.

— Подожди-ка, то есть ты хочешь помочь своей скучной старой маме приготовить сегодня вечером ужин? Чем я заслужила такое везение?

— Мне нравится заниматься с тобой готовкой. Особенно всякими блюдами из Сардинии. Мне бы не помешала какая-нибудь привычная домашняя еда.

— Почему бы тебе не поиграть на пианино часок? Я знаю, тебе не терпится.

Джаспер оказался незаурядным классическим и джазовым пианистом, и сотрудники Джуллиарда, музыкального колледжа Беркли и Консерватории Новой Англии, среди прочих, не давали им покоя в течение многих лет. И то, что один из лучших в стране преподавателей игры на фортепиано живет неподалеку в Ричленде, сыграло не последнюю роль в их решении переехать в Красную Гору.

Когда Джаспер направился в дом, Марго увидела приклеенную к его спине бумажку с надписью: «Я люблю мальчиков». Она догнала сына и аккуратно сняла листок. Он ничего и не заметил.

Неужели ему действительно нравится его новая школа? Она беспокоилась, что без поддержки отца-мэра люди будут больше задирать сына из-за странностей его характера. Но она не хотела с ним нянчиться. Джаспер мог сам о себе позаботиться. По крайней мере она будет продолжать убеждать себя в этом.

Прежде чем последовать за ним в дом, Марго задержалась на минуту, чтобы взглянуть на гостиницу, вернее, на то, что должно было стать ею. Подрядчик был в отпуске и не смог распланировать рабочий процесс так, чтобы он продолжался в его отсутствие. Поэтому участок на другой стороне ее владений был похож на город-призрак. На самом деле единственными признаками жизни были пять кур, которые клевали и усердно скребли землю возле еще неработающего фонтана перед фасадом здания. Сам фасад гостиницы, сложенной из бетонных блоков, был уже готов, но его еще даже не начали штукатурить. Единственным